Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 182.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):182.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 349
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_182

ЗАЩИТА ПРАВ В ЦИФРОВОМ КОНТРАКТЕ

ШУЛБАЕВ Прокопий Вячеславович
Аспирант кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 90, каб. 106, Российская Федерация

Аннотация: В статье проводится исследование рисков, связанных с неизменностью программного кода, анализ проблем доказывания в судебном процессе, связанном с защитой нарушенных прав участников цифрового оборота, механизмов минимизации правовых рисков. Предлагаются материально-правовые средства защиты прав в контрактах, заключаемых и исполняемых в цифровой среде (click-, browse-, sign-wrap-соглашения, смарт-контракты). На базе триады доктринальных положений (формальная эквивалентность при усиленном материальном контроле, верховенство права над кодом, приоритет защиты слабой стороны) сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства в целях обеспечения баланса между технологической инновацией и эффективной судебной защитой.

Ключевые слова: цифровой контракт, смарт-контракт, click-wrap, browse-wrap, защита прав потребителей
Для цитирования: Шулбаев П.В. Защита прав в цифровом контракте // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 182. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_182

Policy and Economy of Eurasia

Original article

PROTECTING RIGHTS IN A DIGITAL CONTRACT

SHULBAEV Procopii Vyacheslavovich
Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of Labor and Social Relations
119454, Moscow, Lobachevsky Str., 90, office 106, Russian Federation

Abstract: The purpose of this article is to study and analyze the risks and law enforcement issues associated with the immutability of software code, proof in court proceedings, and the protection of the violated rights of digital market participants. Particular attention is paid to mechanisms for minimizing legal risks. The article examines the system of substantive and procedural means of protecting rights in contracts concluded and executed in the digital environment (click-, browse-, sign-wrap-agreements, smart contracts). Based on a triad of doctrinal provisions (formal equivalence with enhanced material control, the rule of law over code, and priority for protecting the weaker party), it concludes that further improvement of Russian legislation is necessary to ensure a balance between technological innovation and effective judicial protection.

Keywords: digital contract, smart contract, click-wrap, browse-wrap, consumer protection
For citation: Shulbaev P.V. Protecting Rights in a Digital Contract = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):182. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_182

Трансформация договорных отношений под воздействием информационно-телекоммуникационных технологий ставит перед правоприменителем задачу адаптации классического инструментария защиты прав к контрактам, акцепт и исполнение которых опосредованы программным кодом. Цифровые контракты применяются для автоматизации процессов в различных сферах: финансах, поставках, недвижимости, образовании, здравоохранении и банковских услугах.

Для предпринимательского сообщества цифровые контракты открывают принципиально новые возможности: снижение трансакционных издержек, исключение посредников, повышение скорости исполнения сделок и минимизация человеческого фактора [4].

© Шулбаев П.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

По мере того как цифровые контракты становятся все более распространенными, стороны должны быть уверены в том, что их законные права и интересы будут защищены.

Защита прав в контексте цифрового контракта – это комплекс мер, сочетающих материально-правовые средства (признание договора недействительным; расторжение контракта; взыскание убытков; взыскание неустойки; требование специфического исполнения (исполнения в натуре); реституцию (возврат полученного по сделке)), а также процессуальные средства (обеспечительные меры (арест активов, запрет действий); определение подсудности (выбор суда); распределение бремени доказывания; оценка доказательственной силы цифровых следов (логи, хеши, блокчейн-записи)) [3].

Российский законодатель закрепил принцип функциональной эквивалентности электронной и бумажной форм (п. 2 ст. 160, п. 2 ст. 434 ГК РФ). Однако правоприменительная практика выявила целый спектр коллизий, связанных с неравенством переговорных возможностей, размытостью волеизъявления и автоматизированным характером исполнения. Конфликты, рождающиеся в сфере смарт-контрактов, подпадают под общие критерии определения применимых способов и форм защиты. Так, смарт-контракты подпадают под судебную защиту, третейское разбирательство и могут подлежать досудебному урегулированию. Одни авторы, например Ю.А. Свирин, отмечают, что для разрешения споров, возникающих из так называемых смарт-контрактов, могут быть использованы только два способа: разрешение споров традиционными арбитражными институтами или создание новых механизмов, специально предназначенных для разрешения споров, возникающих в глобальной децентрализованной среде, – блокчейн-арбитража (onchain arbitration) [11]. Другие авторы придерживаются противоположного мнения и считают, что основным, универсальным способом защиты любого права, в том числе и в цифровой среде, является государственная защита, правосудие [7]. Третьи авторы считают, что при использовании смарт-контрактов отпадет необходимость применения таких способов защиты, как понуждение к исполнению обязательства в натуре, взыскание задолженности и неустойки, признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности [8].

Как видно из представленных мнений, в настоящее время в отечественной науке имеются разные позиции по защите прав в цифровых контрактах.

Защита прав понимается широко: 1) материально-правовые средства – признание договора незаключенным или недействительным (ст. 166–179 ГК РФ), расторжение, взыскание убытков и неустойки, требование об исполнении в натуре (ст. 394, 450, 396 ГК РФ), реституция (возврат сторон в первоначальное положение), кондикция (неосновательное обогащение); 2) процессуальные – обеспечительные меры, определение подсудности, распределение бремени доказывания, оценка допустимости и достоверности цифровых следов (логи, метаданные, блокчейн-записи). Коллизионный блок дополняется императивными нормами о защите прав потребителей и оговоркой о публичном порядке, ограничивающими автономию воли в киберпространстве (ст. 1193, 1211 ГК РФ).

Как отмечает Е.А. Кириллова, судебная практика по спорам, возникающим из применения смарт-контрактов, только начинает формироваться. Основные вопросы, которые возникают у судов, – это вопросы доказывания, а также аспекты применения инструментов разрешения противоречий, специально ориентированных на функционирование в цифровой среде [5].

В российской юридической доктрине сложилось несколько подходов к определению правовой природы цифрового контракта. По мнению Н.Т. Минасян, такое разнообразие взглядов вызвано различной трактовкой предусмотренного в абзаце 2 ст. 309 ГК РФ положения об автоматизированном исполнении сделки, не требующем дополнительного волеизъявления сторон. Независимо от подхода, исследователи выделяют три ключевых признака смарт-контракта: (1) наличие цифрового верифицируемого события (триггера), которое может быть подтверждено блокчейном; (2) программный алгоритм реагирования на это событие; (3) юридически значимое действие на выходе (передача денег, товара, прав) [6].

Под цифровым контрактом в целях статьи понимается соглашение, при котором оферта и/или акцепт выражаются с помощью электронных средств, а исполнение обязательств полностью или частично автоматизировано. Классификация охватывает: browse-wrap (условия доступны по гиперссылке, акцепт презюмируется фактом использования), scroll-wrap (пользователь должен прокрутить текст и подтвердить ознакомление), click-wrap (активное нажатие кнопки «Согласен»), sign-wrap (электронная подпись, в том числе усиленная квалифицированная) и смарт-контракты на распределенном реестре. Каждому типу соответствует различная степень проявленности

волеизъявления, что прямо влияет на распределение бремени доказывания и выбор средства защиты.

Статья 434 ГК РФ прямо уравнивает электронный документ, подписанный электронной подписью, с письменной формой. Однако платформенная экономика создает беспрецедентную информационную асимметрию (например, согласие потребителя с условиями не должно носить фиктивный характер, а сам факт регистрации на интернет-ресурсе не свидетельствует об осознанном волеизъявлении потребителя), а также навязывание волеизъявления потребителя либо навязывание заведомо обременительных условий через стандартизированные формы. По нашему мнению, формальная действительность смарт-контракта не исключает последующего материально-правового контроля его содержания.

В доктрине была выработана концепция «код как закон». Вместе с тем код необходимо считать средством, а не правом. Тезис о «самоисполняемости» смарт-контракта не превращает программный код в автономный правопорядок. Как справедливо отмечает А.И. Савельев, смарт-контракт является лишь техническим инструментом исполнения обязательств, но не источником права [10]. В цифровых отношениях слабой стороной выступают не только потребители, но и субъекты малого предпринимательства, вынужденные акцептовать стандартные условия маркетплейсов и агрегаторов. Несправедливые условия (договорная подсудность по месту нахождения контрагента, автоматические санкции, одностороннее изменение тарифов без надлежащего уведомления) подлежат строгой оценке суда на предмет добросовестности. В спорной ситуации в смарт-контракте сомнения должны толковаться как contra proferentem – против профессионального составителя. По нашему мнению, только тогда формируется единый вектор любого договорного дисбаланса в цифровой среде и осуществляется безусловный приоритет защиты слабой стороны.

Защита прав смарт-контракта, зависящая от типа интерфейса. В большинстве случаев click-wrap и sign-wrap-соглашения при спорах признаются заключенными. Browse-wrap-условия, размещенные внизу страницы без обязательного акцепта, признаны порождающими договор, но в небольшом количестве случаев, поскольку browse-wrap не обеспечивает явно выраженного согласия, а бремя доказывания ознакомления лежит на владельце интернет-ресурса. Scroll-wrap занял промежуточное положение между указанными выше соглашениями, ближе к browse-wrap, когда текст условий был скрыт по умолчанию и требовал дополнительного раскрытия.

При наличии квалифицированной электронной подписи факт заключения договора подтверждается безусловно (ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи») [9]. Здесь не требуется проведения специальных экспертиз по атрибуции. При использовании простой электронной подписи (СМС-код, логин-пароль) экспертиза необходима. Возможны риски признания договора незаключенным из-за невозможности достоверно идентифицировать сторону. Так, получение СМС-кода на номер телефона не будет сочтено достаточным, поскольку оператор не сможет доказать, что именно владелец телефонного номера совершил акцепт, а не третье лицо, завладевшее устройством. Как отмечает М.И. Брагинский, необходимо, чтобы избранный сторонами способ мог позволить установить, что документ исходит именно от лица, которое является стороной в договоре. Это позволяет сделать вывод, что риск, связанный с возможным отказом стороны от направленных от ее имени оферты или акцепта, несет тот, кто их принял и признал принадлежность подписи отправителя [2].

Как видно, квалифицированная электронная подпись может существенно снижать издержки доказывания, но не исключает оспаривания по материальным основаниям.

Что касается защиты потребителя, то, по нашему мнению, суды полностью должны признать недействительными либо неприменимыми условия о договорной подсудности по месту нахождения исполнителя, о праве на одностороннее изменение тарифов без предварительного уведомления и об автоматических штрафах. Здесь активного применения требует п. 2 ст. 428 ГК РФ, позволяющий требовать расторжения или изменения договора присоединения, лишающего слабую сторону прав, обычно предоставляемых в аналогичных отношениях. Цифровой формат не должен расширять диспозитивность в ущерб слабой стороне.

Что касается защиты цифровых контрактов в части требования об исполнении в натуре, то, по нашему мнению, суды могут применять реституцию как восстановление имущественного баланса без вмешательства в код или взыскивать неосновательное обогащение, в одном – обеспечительные меры, обязывающие платформу заморозить активы. Было бы целесообразно на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснить, что

при разрешении споров из смарт-контрактов приоритетным средством защиты выступает реституция, а не присуждение к исполнению в натуре. Тип пользовательского интерфейса и уровень электронной подписи выступают значимыми факторами признания договора заключенным; несправедливые условия последовательно нивелируются в потребительских и SME-спорах; для смарт-контрактов основным средством защиты является реституция, а не специфическое исполнение.

Дискуссионным является вопрос о признании недействительным цифрового контракта (заключение с неуполномоченным лицом, в том числе с малолетним или лицом, признанным недееспособным). В зарубежной литературе подчеркивается, что при работе с цифровыми контрактами сложность вызывает возможность применения норм о признании сделок недействительными [1].

Правоприменительная практика во многих странах только формируется и опирается, с учетом специфики смарт-контрактов, на уже имеющиеся дела в сфере традиционных договоров.

Таким образом, при защите прав в цифровом контракте предлагается исходить из следующего: формальная действительность не блокирует материальный контроль, код корректируется правом, а слабая сторона получает приоритетную защиту. Открытым остается вопрос о процессуальной форме доказывания принадлежности электронной подписи; на практике у судов будут трудности при оценке лог-файлов и иных цифровых следов, что требует разработки методических рекомендаций, возможно, на уровне Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Кроме того, отсутствие легального определения смарт-контракта в российском праве создает правовую неопределенность; целесообразно дополнить ГК РФ нормой, устанавливающей, что исполнение обязательств, автоматизированное с помощью распределенного реестра, не лишает сторону права на судебную защиту и применение последствий недействительности сделки.

Российской судебной системе следует безусловно опираться на традиционные цивилистические конструкции, успешно адаптировать арсенал средств защиты к цифровым контрактам, руководствуясь принципами приоритета права над кодом и усиленной охраны слабой стороны.

Полученные выводы могут быть использованы для совершенствования правоприменения, разработки методических рекомендаций по доказыванию в цифровой среде и законопроектной работы в области цифрового права.

Список источников

1. Ахмедов А. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография под редакцией Волоса А.А. М.: Проспект, 2020. С. 224.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2001. С. 490.
3. Засемкова О.Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 4. С. 11–12.
4. Корчагин А.Г., Проваткина В.Е., Волошина Т.В. Смарт-контракты: правовое регулирование, риски для бизнеса и защита прав предпринимателей // Образование и право. № 8. С. 531–538.
5. Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов: монография. М.: ИНФРА-М, 2024. С. 168.
6. Минасян Н.Т. Понятие и правовая природа смарт-контрактов // Современное право. 2025. № 11. С. 23–29.
7. Новиков Н.А., Михайлова Е.В. Урегулирование споров в России: правовая природа и пути развития // Нотариальный вестник. 2021. № 10. С. 45–58.
8. Романов А.А. Гражданско-правовые способы защиты прав на виртуальные активы // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 12. С. 3–8.
9. Сафин В.И. Особенности правового регулирования заключения и исполнения смарт-контрактов: опыт Российской Федерации и зарубежных стран // Актуальные исследования. 2025. № 38 (273). Ч. I. С. 34–40.
10. Савельев А.И. Правовая природа смарт-контрактов по российскому и зарубежному праву // Закон. 2018. № 12. С. 94–108.
11. Свирин Ю.А. Гражданское право: учебник. М.: Прометей, 2026. С. 400–405.

References

1. Axmedov A. Koncepciya pravovogo regulirovaniya otnoshenij, oslozhnenny`x ispol`zovaniem smart-kontraktov: monografiya pod redakciej Volosa A.A. M.: Prospekt, 2020. S. 224.
2. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshhie polozheniya. M.: Statut, 2001. S. 490.
3. Zasemkova O.F. O sposobax razresheniya sporov, voznikayushhix iz smart-kontraktov // Lex Russica. 2020. T. 73. № 4. S. 11–12.
4. Korchagin A.G., Provatkina V.E., Voloshina T.V. Smart-kontrakty`: pravovoe regulirovanie, riski dlya biznesa i zashhita prav predprinimatelej // Obrazovanie i pravo. № 8. S. 531–538.
5. Kirillova E.A., Zul`fugarzade T.E`. Grazhdansko-pravovoe obespechenie smart-kontraktov: monografiya. M.: INFRA-M, 2024. S. 168.
6. Minasyan N.T. Ponyatie i pravovaya priroda smart-kontraktov // Sovremennoe pravo. 2025. № 11. S. 23–29.
7. Novikov N.A., Mixajlova E.V. Uregulirovanie sporov v Rossii: pravovaya priroda i puti razvitiya // Notarial`ny`j vestnik. 2021. № 10. S. 45–58.

8. Romanov A.A. Grazhdansko-pravovy`e sposoby` zashhity` prav na virtual`ny`e aktivy` // Arbitrazhny`j i grazhdanskij process. 2025. № 12. S. 3–8.

9. Safin V.I. Osobennosti pravovogo regulirovaniya zaklyucheniya i ispolneniya smart-kontraktov: opy`t Rossijskoj Federacii i zarubezhny`x stran // Aktual`ny`e issledovaniya. 2025. № 38 (273). Ch. I. S. 34–40.

10. Savel`ev A.I. Pravovaya priroda smart-kontraktov po rossijskomu i zarubezhnomu pravu // Zakon. 2018. № 12. S. 94–108.

11. Svirin Yu.A. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. M.: Prometej, 2026. S. 400–405.

Статья поступила в редакцию 07.09.26;
одобрена после рецензирования 12.09.26;
принята к публикации 12.09.26.

The article was submitted 07.09.26;
approved after reviewing 12.09.26;
accepted for publication 12.09.26.